

ТАТЬЯНА СМЫСЛИНА

Лиди в

18+

Татьяна В. Смыслина

Лидия

Серия «RED. Современная литература»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67809491
ISBN 978-5-04-171022-4

Аннотация

Как можно совместить в себе и острый трагизм, и радикальный оптимизм? Иронический сборник «Лидия» безапелляционно заявляет – можно, легко! Эта книга – калейдоскоп забавных зарисовок из жизни бабушки автора: горькой и смешной, иногда суровой, но дарящей по-настоящему тёплые воспоминания.

И в качестве бонуса – десять рассказов о самой Тане, уже знакомой читателю по сборнику «Нормальная женщина».

Комментарий Редакции: «Лидия» – это современное произведение о... обо всех. Главное лицо повести – не только близкий человек автора, но и словно сама жизнь как она есть. Простая, странная, забавная или грустная – в разные временные промежутки она показывает нам разное лицо. Каким повернется она к вам сегодня?

Содержание

Знакомство	5
Египет	7
Бабушка и клофелин	10
Бабушка против дурного влияния	12
Сортировка	15
Prive	19
«Маленький принц»	22
«Беременность»	24
Бабушкина библиотека	27
Бабушка против вшей	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Смыслина

Лидия

*Выражаю благодарность своему редактору
Александру Татаринцеву.*

Знакомство

Лидия Константиновна стояла в коридоре, прислонившись головой к стене. «А-а, а-а, о-о-ой», – монотонно стояла она и прокатывала затылок по обоям, от одного уха к другому. «А-а» и «о-о-ой» Лидия Константиновна произносила в чёткой, ведомой ей одной последовательности – будто читала мантры или шаманские заклинания. Она так закатывала вверх глаза, что Тане казалось: обратно они уже не выкатятся.

Таня смотрела на бабушку Лиду, и сердце её сжималось. Она считала бабушку «самым больным человеком на свете» и всё время удивлялась: как один человек может вынести столько страданий?

«Опоясывающий лишай нервной системы», – поставила Лидия Константиновна диагноз сама себе. И хотя никаких внешних признаков лишая у неё не было, сомневаться в её словах никто из домашних не посмел бы.

Регулярные сердечные приступы, скачки давления, хондроз, панкреатит, а теперь ещё и «лишай», который паразитировал на бабушкиной нервной системе. Таня знала, что нервы у бабушки Лиды были «расшатаны с малолетства», а «из-за нервов и сердце не хотело работать как надо».

Лидия Константиновна измеряла давление по несколько раз в день и всегда носила с собой тонометр и «дежурные

таблетки». Когда она не могла расслышать своё сердцебиение, просила внучку помочь. Таня частенько сидела со стетоскопом в ушах и сосредоточенно пыталась услышать «верхнее, систолическое». Оно было особенно важным для бабушки, потому что от него она потом «плясала по таблеткам».

И если Таня «выслушивала» меньше сто сорока – просто «невнимательно слушала».

Таблетки бабушка Лида хранила в большущей картонной коробке, в какие обычно складывают скарб при переездах. А у Лидии Константиновны она была плотно набита таблетками – запас на несколько лет.

На картонных стенках с внешней стороны карандашом были написаны названия лекарств, их назначение и дозировка. Таня хорошо помнила самые важные: кристепин, адельфан, клофелин и особенно – феназепам. Его нельзя было «достать» просто так, без рецепта. И бабушке его никто не выписывал – таблетками снабжала любимая тётка Шура. Шура «прошла всю войну» и временами теряла рассудок, поэтому и имела пожизненный рецепт на феназепам.

От феназепама бабушке всегда становилось лучше, и она засыпала. А просыпалась уже совсем здоровая. «Все болезни сном проходят», – говорила Лидия Константиновна, туго перевязывала коробку с таблетками бечёвкой и убирала на самую высокую антресоль, под замок. Чтобы Тане, не дай бог, «не втемяшилось» попробовать её таблетки.

Египет

Таня их, конечно, попробовала, но много позже – когда уже взрослая отдыхала в Египте. Вместе с туристической группой она отправилась на автобусную экскурсию на плато Гиза. Знаменитые пирамиды, сфинкс – которым Таня грезилась со школы – и Каирский музей.

Отправились они поздно вечером и должны были ехать всю ночь, чтобы утром увидеть пирамиды. Тане так хотелось приехать на пирамиды полной сил, чтобы хорошенько всё рассмотреть! Но она плохо переносила дорогу – заснуть в автобусе было из разряда чудес.

Среди экскурсантов была бодрая пара пенсионного возраста из Таниного отеля. Таня познакомилась с ними, когда садилась в автобус, и с этого момента Валя и Серёжа взяли над ней шефство. Серёжа заметил, как Таня крутилась на своём сиденье и пыталась принять удобную для сна позу. Видя её мучения, он предложил «глотнуть коньячку для сна» и полез было за пластиковым стаканом. Таня наотрез отказалась, ссылаясь на особенности своего вестибулярного аппарата. Тогда Сергей произнёс сакраментальное: «Валь, у тебя таблетки с собой? Дай ей эти, самолётные. Может, заснёт».

И Валя дала.

Таня держала в руках блистер с обрезанным названием «...зепам». «Что-то подозрительно знакомое», – насторожи-

лась она. Но заснуть очень хотелось, и Таня вскрыла ячейку.

Всё, что происходило в следующие сутки, Таня запомнила смутно. У неё, в отличие от бабушки, давление всегда было пониженным. А вероятность не проснуться после бромдигидрохлорфенилбензодиазепина – повышенной.

Всю дорогу до Каира Таня пролежала на заднем сидении автобуса в забытии. Помимо ожидаемого седативного эффекта, с ней случилась побочка в виде повышенного слюноотделения, головокружения и галлюцинаций. Она, конечно, спала. Но не так, как ей бы хотелось.

Серёжа с Валеёй по очереди подходили к Тане проверить, как ей «спится». «Смотри, Валь, аж слюна потекла, как спит», – умилялся Сергей.

Сквозь приоткрытые веки Таня увидела Сергея – с головой шакала. «Анубис, – подумала Таня, – провожает меня в загробный мир». Валя тоже преобразилась и имела в своём облике что-то крокодилье. «А это Аамат, – поняла Таня, – она отвечает за возмездие». По справедливости, Аамат должна была откусить Анубису голову за Танины страдания, но сил досмотреть эту сцену у Тани уже не было.

Утром группу привезли на завтрак. Таня шатаясь вылезла из автобуса. Есть совсем не хотелось – она всё ещё пребывала в мире, где у людей вырастают пёсьи головы и крокодильи лапы.

– Ну сразу видно, отдохнула! – констатировали пенсионеры. Обратно поедем, ещё выпьешь.

А Тане уже не хотелось ни на какие пирамиды. Ей сразу хотелось «обратно» – но уже без феназепама. Сфинкса она, конечно, увидела. Однако в свете автобусных человекопсов он уже не казался ей чем-то особенным.

Отпустило Таню лишь к концу вторых суток. Всё это время она вспоминала бабушку и никак не могла взять в толк – как же та жила на таких высокоактивных транквилизаторах?

Бабушка и клофелин

А Лидии Константиновне таблетки помогали справляться с ранимостью и высоким давлением. Таня рано поняла, как легко можно было обидеть бабушку – например, своим невниманием. Несмотря на внешнюю кажущуюся суровость, бабушка Лида изнутри была очень хрупкой.

А вот Танина мама Римма этого понимать никак не хотела. Она частенько игнорировала Лидию Константиновну – упрямо пыталась жить своей, взрослой жизнью. Которая никак не получалась, потому что бабушка Лида жила в соседнем подъезде – на том же этаже, с одной общей стеной и смежным с дочерью балконом.

Танин папа даже проделал в балконе дыру, чтобы тёща в любой момент могла беспрепятственно попасть к внучке.

Бабушкин силуэт в балконном окне прочно ассоциировался у Тани с папиным «Полундра! Идёт!». Таня не совсем понимала значение слова «полундра» – она решила, что папа так называет бабушку, и тоже за глаза стала звать её «Полундрой».

«Полундра» могла прийти в любое время, иногда появлялась в квартире в самый неожиданный момент – чем пугала Таниных папу и маму.

Однажды мама «самовольно» уехала за город, к свекрови, и оставила Таню с бабушкой. Бабушка обиделась, расстрои-

лась – и у неё сильно подскочило давление.

Снизить «такое высокое» давление мог только клофелин, который бабушка приняла в тандеме с чем-то ещё из заветной коробки.

Через полчаса давление у бабушки снизилось. Вместе со способностью ориентироваться в пространстве и времени.

– Кто ты, девочка? – спрашивала Лидия Константиновна и смотрела сквозь Таню пустыми глазами. – Я тебя не знаю. А я кто?

– А ты бабушка моя! – кричала Таня в ужасе. И начинала ощущать, будто это не бабушка нуждалась в самоидентификации, а уже и она сама.

А бабушка Лида улеглась на кровать и сладко задремала.

Бабушка против дурного влияния

Бабушкины проблемы со сном начались из-за её прежней работы. Много лет Лидия Константиновна проработала начальником смены военизированной охраны на режимном объекте. Она часто работала «в ночь» и всю оставшуюся жизнь засыпала поздно и спала чутко.

Выйдя на пенсию, она так же чутко караулила Таню и оберегала её от «дурного влияния». У бабушки Лиды будто был встроенный радар опасности – она всегда появлялась в самый ответственный момент.

Как-то маленькая Таня выносила мусор и у мусоропровода наткнулась на бабушку Надю – противную старуху, что жила с бабушкой на одной площадке. Все её называли бабой Надей, а бабушка Лида – старой ведьмой.

Бабка Надя была женщиной нелёгкой судьбы – оттого, видимо, и стала такой склочной, завистливой и будто желающей всем споткнуться о собственный порог.

– Смотри, что у меня есть, – сказала она и сняла с шеи крестик на засаленной верёвке. – Смотри, какой красивый. Хочешь примерить?

Таня открыла рот и уставилась на крестик. Что-то внутри неё кричало, что чужие крестики примерять нельзя. Но любопытство взяло верх. Таня смотрела на крестик как замороженная и не могла двинуться с места. Старуха растопырила

верёвку и уже занесла её над Таниной головой.

– Я тебе щас руки отрублю, – услышала Таня подозрительно спокойный голос бабушки Лиды.

Бабушка двинулась на соседку. В состоянии аффекта Лидия Константиновна всегда казалась внешне спокойной, и только блеск потемневших разом глаз выдавал её истинное состояние.

В этот день Таня узнала много новых слов и словосочетаний: от «старой проститутки» до «вшивой пизды». Бабушка настоятельно рекомендовала соседке сидеть дома в ближайшие несколько дней. Потому что «если бы не ребёнок», баба Надя «вынимала бы этот крестик из своего поганого глаза». Отныне соседке было запрещено даже смотреть в Танину сторону. И это было справедливо.

Бабушка Лида обладала внушительной грудью и в такие моменты была похожа на таран или кариатиду боевого корабля, ощетинившегося мортирами. Но Таня, в отличие от перепуганной соседки, её ни капли не боялась и даже гордилась ею. «Вот какая у меня бабушка, – говорила Таня сама себе, – даже папа так не сумел бы».

– У тебя мозгов что ль нет? – ругала позже бабушка Танию. – На кой шут ты с ней разговаривала?

Когда Таня выросла, обзавелась друзьями и стала более самостоятельной, бабушкин «радар» заработал на износ и всегда был в состоянии аларма.

Лидия Константиновна умела неожиданно возникать там,

где её никак не должно было быть. Каким-то неведомым образом она всегда знала, какой дорогой Таня с подругой будет обходить собственный двор – именно чтобы не попасться ей на глаза.

«И куда это мы собрались?» – довольно произносила бабушка. И вершила правосудие – либо миловала и даровала недолгую свободу, либо казнила и тащила домой. В такие моменты Таня бабушку недолюбливала, но послушаться не смела – помнила про давление и коробку с таблетками.

Бабушка чётко делила Таниных друзей на «годных» и «негодных». Последним приходилось туго. По каким критериям Лидия Константиновна сортировала людей по этим категориям, никто толком не знал.

Однажды подруга из разряда негодных зашла к Тане, чтобы одолжить шиньон. Бабушку это как-то особенно возмутило – она без обиняков сказала, что «выдернет Ксении все космы», если та возьмёт Танин шиньон. Лидия Константиновна всегда называла людей полными именами, если не называла их частями тела.

Семнадцатилетнюю Ксению бабушка считала «нечистоплотной» – во всех смыслах. А «напяливать на свою башку» Танин шиньон Лидия Константиновна считала верхом наглости. «Ты ещё трусы попроси у Тани!» – кричала бабушка вслед убегающей Ксении, облокотившись на лестничные перила. С «наглецами» бабушка не церемонилась.

Сортировка

Особенно тщательно бабушка Лида сортировала Танин круг общения, когда внучка поступила на иняз и у неё появилось много новых знакомств. Очень важно было разделить всех на «годных» и «негодных», отделить «проститутток» от «приличных», не смешивать «потенциальных женихов» и «всех остальных».

На инязе учились в основном девушки. Парней на потоке было не больше десяти, и они представляли для бабушки Лиды особый интерес. «Есть кто перспективный-то у вас?» – спрашивала бабушка Таню. А та обычно отшучивалась, что все «перспективные» учатся этажом ниже, на экономическом.

Но одного интересного однокурсника она все же привела в гости. Паша с экзотической фамилией Кимбика был из очень интересной семьи. Его бабушка всю жизнь проработала в институте и тоже очень придирчиво сортировала окружение своей дочери. В итоге дочь вышла замуж за парня, в чьём паспорте в графе «место рождения» значились острова Французской Полинезии. И на свет появился Паша. Чернокожий, белозубый и для Пензы образца восьмидесятых чересчур экзотичный, Паша жил с бабушкой, играл на саксофоне и был звездой местной команды КВН.

Было лето, занятия в институте уже закончились, и Таня

решила сделать бабушке сюрприз. Она так и объявила: «Ба, у нас сегодня будет гость. Надо оценить его на предмет „перспективности“».

Когда Паша позвонил в дверь, Таня попросила бабушку открыть, предвкушая её реакцию. Она любила бабушку, но уже относилась к ней не слишком серьёзно – скорее, тепло и с хорошей долей иронии.

– Кто? – громко спросила бабушка через дверь, привычно игнорируя глазок.

– Это Павел, – послышалось снаружи. – Я к Тане.

Когда Павел вошёл, с бабушкой одновременно случились и ступор, и катарсис. Она молча сверлила гостя глазами, на всякий случай отступив чуть дальше положенного.

– Лидия Константиновна, – игриво произнёс Паша, – я Танин однокурсник. Я не причиню вам вреда!

И раскинул руки так, как будто собирался обнять бабушку.

Услышав свое имя, Лидия Константиновна очнулась и заулыбалась. Она хитро прищурилась.

– Какой интересный, – мгновенно растаяла она, и тихонько добавила себе под нос, – Чунга-Чанга.

Гостя усадили за стол и разлили вино по фужерам – за знакомство. Павел был само очарование. Таня, её мама и бабушка много смеялись, шутили и кормили Павла домашними сладостями.

Когда вино закончилось, бабушка предложила: «Римм, а

давай ему настойки Володькиной нальём?» «Володькину настойку» можно было назвать настойкой очень условно. Никто, даже сам Володька – Танин папа, толком не знал, для чего она предназначалась и что конкретно входило в ее состав кроме спирта и прополиса. С градусами тоже было непонятно – то ли шестьдесят, то ли все восемьдесят. И главное – никто, кроме Таниного папы, не знал, как её правильно употреблять.

– Ну, будем, сынок, – сказала бабушка и подняла стопку с мутной жёлтой жидкостью. – Это для здоровья, натуральный продукт пчеловодства.

Павел вырубился почти сразу. Он был вроде в сознании, но контролировать своё тело не мог. Павел обмяк и почти сполз со стула, раскинув безжизненные руки как плети. Возможно, у него была аллергия на один из компонентов. Или градусов в «настойке» было все сто. Или его организм просто не унаследовал от матери ферментов для переработки таких «исконно русских компонентов».

В этот момент в дверь позвонили.

– Вовка, – ошалело сказала бабушка.

Танин отец, Владимир, уезжал помогать родителям с сенокосом и до следующего утра его никто не ждал. Бабушка с ужасом представила, как Вовка сейчас войдёт в квартиру и придётся ему объяснять – почему у них на кухне почти откинулся чернокожий парень.

Или в Лидии Константиновне сказалась военная подго-

товка, или она чувствовала свою вину за эксперимент, но действовала она молниеносно. Бабушка бросилась в коридор, схватила Пашины ботинки и закинула их под Танину кровать. Потом скомандовала дочери и внучке тащить Павла на балкон.

Павел, как герой фильма «Без чувств», хотя и не контролировал своё тело, но сообразил, что происходит что-то очень странное. Три женщины зачем-то тащат его на балкон шестого этажа.

«Помогите», – из последних сил прокричал Павел. «Да заткнись ты», – шикнула на него Лидия Константиновна. А Таня в этот момент вспомнила, как Павел сказал, что не причинит бабушке вреда, и усмехнулась. «Ты-то нет, дружок, ты – нет», – пронеслось у неё в голове.

Гостя кое-как протолкнули через дыру в балконной стене, и бабушка с мамой поволокли его в дальнюю комнату. А Таня ринулась открывать дверь. Это был не Вовка.

Когда Таня вернулась в бабушкину квартиру, Павел мирно спал на разложенном диване. Он проспал до утра. На следующий день Павел покинул гостеприимных хозяек – помятый и ничего не соображающий. Таня строго посмотрела на бабушку: «Ну что, ба, довольна? Отсортировала?»

Prive

На своём веку бабушка отсортировала немало кого. В молодости Лидия была девушкой очень запоминающейся, «фактурной», как она сама вспоминала. На худощавую блондинку с грудью четвёртого размера и своеобразным характером парни всегда обращали внимание.

Но Лидия была дочерью врага народа – прошедшего всю войну, но забитого потом в застенках НКВД из-за мешка муки. Брать в семью «вдовью дочь» никто не торопился, а «несерьёзным» и «наглецам» Лидия давала от ворот поворот сразу.

Жили они с матерью бедно, а потому пришлось пустить в дом молодого квартиранта Володю. Лидия влюбилась в его синие глаза и не устояла. Но родители Володи согласия на свадьбу не дали, дословно передав что «жениться на дочери врага народа – всё равно что брать в жены дочь пьяницы». Володе наспех организовали службу в Морфлоте на семь лет. А Лидия осталась одна, «порченная», как говорили соседи, и с разбитым сердцем.

С горя она очень быстро вышла замуж. Муж здорово её ревновал и пытался «приучить» – в ход шли кулаки и табуретки. Но Лидия оборонялась так, что часто было не совсем понятно, кто кого бил. Горе-муж сам через полгода потащил её в сельсовет разводиться.

Так в двадцать два года Лидия была уже не только «вдовой дочерью», но и «разбитной разведёнкой». Недолго думая, она пошла в Райвоенкомат и вступила в ряды Советской Армии. Там Лидию немного политически подковали и отправили работать в офицерскую столовую в Польше – поваром. Хотя до того момента поварского ножа в руке Лидия не держала, готовить не любила и толком не умела.

О своенравной молоденькой поварихе в гарнизоне города Свентошув слагали легенды. Если Лидия узнавала, что кому-то из офицеров не нравился её гуляш, она могла в следующий раз положить ему обед мимо тарелки.

Смекалистые офицеры не только с аппетитом ели её стряпню, но и приглашали наперебой на танцы. Лидия на танцы ходила, но, если кто-то решался не только танцевать, могла и «голову камнем разбить».

Всё это она много раз пересказывала подрастающей внучке, которая должна была сделать из этих историй правильные выводы. Но внучка обычно отрёшённо ковыряла в носу и засыпала раньше, чем закончится очередная поучительная история.

Один офицер из Сибири так захотел не только танцевать, что стал настойчиво звать Лидию замуж. Лида написала матери письмо и попросила благословения на брак. Но мать «как-то не так» её благословила. Да ещё и написала дочери, что «здоровье у неё ухудшается и одной ей тоскливо». Лида восприняла это как «недобрый знак» и сибиряку отказала. А

вскоре и вовсе собрала чемоданы и вернулась в родное село. Однако своего возвращения матери так и не простила.

Наглецов бабушка не любила всю жизнь и «чуяла за версту». Она всячески старалась оградить от них взрослеющую Таню. Методы у неё были жёсткие, но надёжные – «наглецы» отваливались сами собой.

Иногда Тане было так стыдно, что она кричала бабушке сквозь слёзы, что ненавидит её. А бабушка говорила, что Таня ей ещё спасибо скажет, – и шла жарить блины.

Блины были универсальным средством примирения. Таня любила эти толстые и клёклые круги теста. Никто в семье их больше не ел, но Таня не могла от них отказаться. Так же, как не могли отказаться от бабушкиного гуляша советские офицеры в гарнизоне города Свентошув.

«Маленький принц»

Лидия Константиновна очень любила заниматься образованием внучки. Сама она имела справку об окончании семи классов средней школы и считала главным источником знаний книги. У бабушки был абонемент в библиотеку одного крупного городского предприятия, откуда она приносила Тане книги, которые считала обязательными к прочтению.

Читали они много, взахлёб. «Маленький принц», которого из-за наличия авторских рисунков бабушка отнесла в разряд детских книг, заставил шестилетнюю Таню размышлять о жизни. В этом возрасте она мыслила очень конкретно и с аллегориями столкнулась впервые.

Особенно Таню поразила глава про пьяницу.

– Почему пьянице было стыдно, баб?

– Потому что он пил.

– А почему тогда он не бросил?

– Потому что ему было стыдно. Ты же прочитала!

– А дедушке было стыдно? – Таня уставилась на бабушку не моргая. – Он один раз выпил и потом всегда стыдно? Поэтому?

У Тани был повод для беспокойства. Однажды она незаметно попробовала самогон – запустила палец в стакан с «огненной водой», как называл его другой Танин дедушка, а потом облизала палец. А потом ещё раз, и ещё! Тогда ей не

было стыдно, а теперь было и стыдно, и страшно. И совсем не хотелось пить каждый день, чтобы забыть, – как это делал пьяница из «Маленького принца».

Ещё Таня крепко задумалась над дружбой. Неужели, чтобы завести настоящих друзей, ей теперь надо выходить во двор в одно и то же время, чтобы их приручить? А потом всю жизнь быть в ответе за глупую некрасивую Оксану и кудрявого Валика?

– Вот поэтому я ни с кем и не дружу, – усмехнулась бабушка. – И ты подумай...

«Беременность»

Не успела Таня справиться со страхом стать пьяницей, как у неё случилась новая беда. У бабушки на площадке жила тётя Люба с сыном Сергеем. Тётя Люба была приятельницей Таниной мамы и иногда заходила в гости. А четырнадцатилетний Сергей вызывал у шестилетней Тани устойчивый интерес. Ей нравилась их разница в возрасте и тот факт, что у «Серёжки» уже пробивалось подобие усов.

К Сергею иногда приходили одноклассницы, и он шумно общался и смеялся с ними на лестничной клетке. А Таня таскала к входной двери табуретку, забиралась на неё и следила за соседом в дверной глазок. С ней Сергей никогда так не смеялся. Да и вообще не обращал на неё никакого внимания.

Однажды у тёти Любы дома травили тараканов, и она на целый вечер пришла к Таниной маме вместе с сыном. Сергей сидел в зале на диване и играл в электронную игру «Ну, погоди!». Таня уселась на кресло и украдкой поглядывала на гостя. Её очень расстраивало и одновременно раздражало, что Сергей совсем не видит в ней потенциала как в девушке.

Так как тараканов у тёти Любы травили не часто, Таня решила, что в следующий раз она окажется с Сергеем наедине нескоро. «Сейчас или никогда» – проговорила она про себя и двинулась к дивану.

Сергей, почуяв неладное, впервые всерьёз посмотрел на

девочку, которая бесцеремонно залезла к нему на колени. Он перестал играть в «Ну погоди!», раскрыл от неожиданности руки и уставился на Таню не моргая.

«А-а, смотришь теперь», – язвительно подумала Таня и взяла Сергея за подбородок. А потом закрыла глаза и поцеловала его – прямо в губы. А он, вместо того чтобы оттолкнуть её, – тоже закрыл глаза. До этого момента Таня и не предполагала, что в поцелуе могут участвовать не только губы.

Много позже, когда повзрослевшие подруги спрашивали Таню, знает ли она, что такое «французский поцелуй», Таня лишь презрительно фыркала и закатывала глаза.

Она была твёрдо уверена, что и Сергей в тот день «офранцузился» впервые.

И с тех пор когда видел Таню – краснел до кончиков ушей. А маленькая Таня умудрялась смотреть на него свысока и всем своим видом будто спрашивала: «Помнишь, да?».

Через некоторое время Таня спросила бабушку Лиду: а откуда дети берутся, баб? А бабушка ответила: «дети появляются от поцелуев». И следующие несколько дней стали для Тани, пожалуй, самыми тревожными за все её безоблачное детство.

Она молилась, стоя на коленях за шторкой, и просила Богородицу избавить её от беременности. Бабушка всегда говорила, что Богородица самая сильная из святых покровителей. И что если и надо знать какую молитву, то это «Глас ко

святой Богородице».

«Богородице Дево, радуйся, – шептала Таня, – благодатная Мария, Господь с тобою... Не хочу-у бы-ыть беременной». Она складывала руки в молитвенном жесте, но чувствовала, что вера её слаба. В голову лезли страшные мысли – «Ну конечно, так целоваться, и не забеременеть».

В итоге Таня не выдержала переживаний, и когда бабушка укладывала её спать, призналась:

– Я беременна, баб!

– Да ну?! – рассмеялась бабушка.

И Тане пришлось рассказать о своём грехопадении. Но бабушка только ещё сильнее рассмеялась, а Таня разозлилась.

– Да что смешного-то, бабушка! – уже в голос вопила она.

А бабушка гладила её по голове и приговаривала: «Воот, греховодница, будет тебе наука. На кой шут ты к нему полезла, он не пара тебе. Она его от уголовника родила».

И бабушке пришлось объяснить Тане, что для «непорочного зачатия» она не подходит в силу генетики – «из-за дедушки, мамы и родственников отца». А до «порочного» – ей ещё расти, да расти.

Бабушкина библиотека

Когда Тане было двенадцать, бабушка на развале купила красочную книжку «с картинками». Картинки были для бабушки верным признаком литературы для детей. Книги тогда были в дефиците, а все «питательные для детского ума» библиотечные они уже прочитали. Вот бабушка и ходила в выходные на блошинный рынок за «чем-то стоящим».

На обложке новой книги значилось – «Русские заветные сказки. А. Н. Афанасьев». Таня взяла книгу в руки без особого энтузиазма – она считала себя уже взрослой, а бабушка всё покупала ей сказки. Однако пробежавшись глазами по оглавлению, она поспешила захлопнуть книгу и утащила её в свою комнату. Особенно её впечатлила сказка «Посев хуев». Но и «Женитьба дурня», «Чудесная дудка» и «Щучья голова» оказались на высоте.

Таня всё боялась, что бабушка тоже захочет почитать и тогда она точно больше не увидит эти по-настоящему хорошие сказки. Но бабушка уже не особо интересовалась самим чтением. Она добывала книги – для внучки и чтобы заполнить несколько пустых полок книжного шкафа.

Таня никогда ещё не читала так быстро. Анально-генитальная тема в реалиях русской деревни вызвала у неё неподдельный восторг. Она узнала много новых выражений и анатомических казусов. «Какой всё-таки русский язык бога-

тый. А человеческий организм диковинный», – размышляла Таня. К тому времени она наизусть знала все картинки из «Справочника операционной медсестры», и анатомия заинтересовала её куда больше, чем изображения овощей и схемы нарезок из «Поваренной книги».

Некоторые моменты из заветных сказок Таня перечитала несколько раз – для лучшего усвоения.

– Ну что, понравилась тебе книжка? – спросила бабушка.

– Очень, – ответила Таня и покраснела. Ни одна книга раньше не вызывала в ней такого восторга.

А «Сказки» Таня украдкой дала почитать взрослой соседке, чьё расположение пыталась завоевать. Больше книгу она так и не увидела. Впрочем, совсем скоро пропала и соседка. «Наверное, в деревню уехала жить, на посев» – ехидно размышляла Таня, она никак не могла смириться с потерей книги.

Бабушка против вшей

Каждое лето три года подряд Таня обзаводилась вшами. Вши всегда приходили к Тане в августе, ко дню её рождения. «Опять», – вздыхала бабушка Лида и доставала из комода частый гребень.

Сначала она пыталась вычесать вшей – стелила на пол альбомные листы и скрупулезно чесала над ними Танины волосы. Но ничего, кроме Таниных волос, на альбомные листы не падало.

Тогда в ход шёл старый народный способ – бабушка в строгих пропорциях смешивала уксус, крупную соль и спирт. Эту дьявольскую алхимию она наносила на Танину голову, тщательно втирая в кожу. А потом надевала на Таню пакет и заматывала всё это полотенцем.

Кожу на голове жгло, Таня начинала подвывать. «Если не поможет, придётся стричь тебя наголо, – нарочито говорила бабушка. – Они ж не просто кровь пьют, они ещё и заразу разносят. Тиф, например». И бабушка начинала длинный рассказ про то, как в войну от тифа полдеревни поумирало, а другую половину «несло кровью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.